

Проекты изданий политических журналов и газет в России в 1830-е — 1850-е гг.

Одной из интересных и малоизученных тем отечественной истории эпохи Николая I является проблема информационного обеспечения деятельности государственной власти в стране и за рубежом. Во второй четверти XIX в. решение этой проблемы во многом зависело от ответа на следующий принципиальный вопрос — должна ли и может ли власть абсолютной монархии, каковой и являлась Российская империя, пропагандировать и разъяснять свои намерения и действия внутри страны, и отстаивать интересы России за рубежом средствами литературы и журналистики.

Первоначальное отношение Николая I к этой проблеме внутри страны было закреплено в Цензурном уставе (1828), когда государство, в лице цензурного ведомства, уподобилось «таможне, которая не производит сама добротных товаров... но строго наблюдает, чтобы не были ввозимы товары запрещённые».¹ Соответственно, каждый частный участник печатного пространства страны, будь то издатель, литератор, публицист, поэт, литограф и так далее, должен был самостоятельно определить, соответствует ли его творение действующим законам и подзаконным актам или нет, дабы не быть запрещённым. О направлении своей внутренней политики власть информировала население посредством официальных газет и журналов, которых, по оценке Министерства народного просвещения, в России было «столько, сколько нужно для приведения в известность всех отраслей управления великой Империи. Почти каждая часть Правительства имеет свой орган — журнал или газету, коим не только приводит в известность свои собственные действия, но и объясняет свои виды, требования, указывая на пути, коими можно достичь исполнения сих последних».²

Оберегая государственную монополию на политическую информацию и не желая вовлекать в обсуждение «вопросов политических» широкие массы населения, государство максимально ограничило возможность их проникновения в частную периодическую печать — наиболее оперативный и массовый сегмент печатного рынка. Право на политическую информацию было предоставлено одному-единственному частному периодическому изданию — газете «Северная Пчела», издававшейся с 1825 г.

¹ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700—1863). СПб., 1892. С. 220.

² Краевский А. Обзорение русских газет и журналов // Журнал Министерства Народного просвещения. Часть первая. СПб., 1834. С. 103.

Ф.В. Булгариным (с 1831 г. — вместе с Н.И. Гречем), которая и оставалась монополистом в этой области все время правления Николая I.

Однако именно в это время в России отмечается появление ряда новых явлений: в самых широких слоях населения возрастает интерес к общественно-политическим новостям, увеличивается количество периодических изданий и их тиражи, журналистика становится профессией. Появляется убеждение в объективности существования общественного мнения и его значимости для успешного существования власти и государства. Общественно-литературные деятели начинают рассматривать печать, и в первую очередь периодическую, как инструмент формирования и управления этого «общего» или «общественного» мнения — устойчивого термина на тот момент еще выработано не было.

Появляется убеждение — появляется и стремление его реализовать. Первые конкретные предложения о создании частных политических периодических изданий, нацеленных на формирование «общего мнения в видах правительства», были выдвинуты деятелями так называемого пушкинского круга.

Занимая активную гражданскую позицию, они стремились реализовать свои убеждения в той области, в которой считали себя компетентными — области формирования общественного мнения. Во многом эти проекты были обусловлены нежеланием уступать это поле деятельности тем, кто уже подал свою заявку на управление общественным мнением: «А чего от него [Николая I. — Д. С.] требовать, когда благонамеренные и честные люди оставляют его на съедение глупцам и бездельникам, а сами стоят по углам с пальцами по квартирам и говорят: “Не наше дело!”»³ Ф.В. Булгарин — бывший офицер армии Наполеона, имевший польское происхождение, абсолютно не устраивал их в роли наставника-патриота, имевшего монополию на политическую информацию.

Продвигавшийся А.С. Пушкиным в 1831–1832 гг. проект издания газеты «Дневник» имел свою предысторию, которую можно проследить по опубликованной переписке поэта. Опуская детали, можно отметить, что около 21 июля 1831 г. Пушкин передает А.Х. Бенкендорфу письмо, содержащее три конкретных просьбы-предложения. Во-первых, поэт ходатайствует о присвоении ему очередного чина, следующего за выслугу лет. Во-вторых, и это главное в контексте изучаемой нами темы, он излагает следующее: «Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то... готов служить ему по мере моих способностей. В России... правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостью взялся

³ Письмо П.А. Вяземского Жуковскому 29 сентября 1826 г. // Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь умственные плотины. М., 1986. С. 91.

бы я за редакцию политического и литературного журнала, т.е. такого, в котором печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных<...>».⁴ В третьих, поэт замечает: «Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках <...>».⁵ Это последнее предложение автора и нашло отклик в правительстве. На письме Пушкина сохранилась помета Бенкендорфа: «Написать графу Нессельроду, что государь велел его принять в Иностранную Коллегию, с позволением рыться в старых архивах, для написания Истории Петра Первого. Не угодно ли будет графу испросить или самому назначить Пушкину жалованье».⁶ В результате, Пушкин был вновь принят на службу в Коллегию иностранных дел, с жалованием в 5 000 рублей, без обязательных занятий, но с правом работать во всех архивах.⁷

Существует и вариант вышеупомянутого письма, написанный в это же время но, очевидно, не переданный Бенкендорфу. Хотя, нельзя исключать того, что какие-либо из его положений и упоминались автором в разговоре с Бенкендорфом. В этом варианте поэт, в частности, приводил следующее обоснование необходимости политического издания: «<...> Ныне когда справедливое негодование и старая народная вражда, долго растрavляемая завистью, соединила всех нас противу Польских мятежников; озлобленная Европа нападает покамест на Россию, не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою <...> Пускай позволят нам русским писателям отражать бесстыдные и невежественные нападения иностранных газет. С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала...».⁸ В чистовой вариант письма положение о противодействии иностранной печати, резко негативно комментировавшей действия русского правительства по подавлению восстания в Польше, не вошло. Набросал Пушкин в этом варианте и план предполагавшегося издания. В частности, в нём он упоминает пункт «Предварительное изъявление мнений правительства», то есть, по сути, подготовку общественного мнения к распоряжениям власти, их анонсирование. Так власть не действовала ни до, ни после за всё правление Николая I. Координация направления журнала должна была осуществляться, по мысли автора, посредством «повелений министров».⁹

⁴ Письмо А.С. Пушкина А.Х. Бенкендорфу. Около (не позднее) 21 июля 1831 г. // *Пушкин А.С. ПСС. Т. 14. С. 256.*

⁵ Там же. С. 256.

⁶ Там же. С. 382.

⁷ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. XXVa. С. 843.

⁸ Вариант письма А.Х. Бенкендорфу. Около (не позднее) 21 июля 1831 г. // *Пушкин А.С. ПСС. Т. 14. С. 283.*

⁹ Там же. С. 285.

Разрешения на издание политического журнала в 1831 г. Пушкин так и не получил.

Однако, сохраняющаяся монополия «Северной Пчелы» в области политической информации, с вытекающими отсюда конкурентными преимуществами изданий «братьев-разбойников», его, очевидно, не устраивала.

Около 27 мая 1832 г. Пушкин обращается к Бенкендорфу с очередным письмом. Обосновывая просьбу о разрешении политического журнала, Пушкин на этот раз уже не упоминает о необходимости формирования общественного мнения «в видах правительства» в России, о противодействии иностранным периодическим изданиям. Свою просьбу он обуславливает исключительно тем, что «литературная торговля находится в руках издателей Северной Пчелы, и критика, как и политика, сделались их монополией». И поэтому «Для восстановления равновесия в литературе, нам необходим журнал... в коем бы печатались политические и заграничные новости».¹⁰ Таким образом, фактическая цель планируемого издания — продвижение на рынке изданий определённого круга авторов. О самостоятельной работе по освещению и комментированию политических событий в предложении и речи нет.

И представленная Пушкиным мотивация сработала — он получил долгожданное разрешение на издание собственного журнала, имеющего политический отдел. Случай уникальный, так как, за исключением «Северной Пчелы», это было единственное частное периодическое издание, получившее во время правления Николая I право публиковать политические новости. Однако не менее уникально и то, что Пушкин данным разрешением в конце концов так и не воспользовался — слишком сложными оказались организационные вопросы.

Журнал был разрешён только тогда, когда необходимость его создания была мотивирована исключительно издательско-коммерческими интересами. Предложение об организации своеобразного «проправительственного пула» литераторов и журналистов, формирующего общественное мнение в стране в его видах, отклика у Николая I и Бенкендорфа не нашло. Очевидно, они не видели в этом необходимости. «Слава богу, мы живём в такой стране, где журналисты ещё не управляют общим мнением» — эта фраза из официального документа того времени прекрасно объясняет мотивы отказа.

В то же время, когда Пушкин добивался разрешения на издание своего «Дневника», В.А. Жуковский в феврале 1832 г. подготовил свой проект создания литературно-политического журнала. К сожалению, доподлинно неизвестно, изложил ли он его Бенкендорфу или нет, и тем более, какой он получил ответ.

¹⁰ Письмо А.Х. Бенкендорфу. Ок. 27 мая 1832 г. // *Пушкин А.С.* ПСС. М.; Л., 1948. Т. 15. С. 205.

В данном случае, интересна мотивация и суть проекта. Отмечая, что литература это «одна из главных потребностей народа, есть одно из сильнейших средств в руках правительства действовать на умы и на их образование»,¹¹ Жуковский предупреждает об опасности преобладания в этой области частной коммерческой инициативы, «если этою литературою овладеют торгаши, которые будут в ней видеть один только способ наживаться...».¹² Исходя из этих двух постулатов, он утверждает: «Хороший журнал литературный и политический есть для нас необходимость».¹³ Сам он подразумевал быть не издателем этого журнала, а «наблюдателем за изданием согласно с видами правительства».¹⁴ Проект Жуковского преследовал двоякую цель — формирование соответствующих «видам правительства» умонастроений в обществе и привлечение активных и талантливых литераторов к работе в тех же «видах», когда они «без всякого принуждения и опасения, действовали бы в смысле правительства».¹⁵

Следующей инициативой создания частного политического периодического издания стал меморандум князя П.А. Вяземского «О безмолвии русской печати», написанный им в конце марта — начале апреля 1833 года и, как предполагает ряд исследователей, доведённый до сведения правительства в это же время.

Анализируя волну русофобских настроений, поднявшуюся в западноевропейской печати после восстания в Польше 1831-го года, он отмечает, что «причиной этого было то, что вся европейская пресса встала на защиту Польши, в то время как нашу победу поддерживало лишь безмолвие нашей печати».¹⁶ Отсюда он делал вывод о необходимости создания в Европе пророссийских периодических изданий, внешне не связанных с русским правительством — «настоятельно необходимо, чтобы русские дипломаты в Европе располагали расторопными и преданными органами, могущими влиять на умы в должном направлении».¹⁷ Развивая свою мысль далее, он говорит, что подобная работа необходима не только за рубежом, но и в самой России. Стране необходим журнал, который бы стал «...посредником... между правительством и народом», привлёк бы на сторону правительства журналистов и литераторов, которые, видя что их игнорируют, «...иногда противостоят ему и критикуют его».¹⁸ Помимо

¹¹ Гиллельсон М.И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // Русская литература. 1965. № 4. С. 117–118.

¹² Там же. С. 118.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Кириевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 125.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

этого, безмолвие власти приводит к тому, что зачастую «наиболее благотворные мероприятия власти часто не находят у нас отклика и поддержки, которая им необходима, так как они не бывают обоснованы, подготовлены и объяснены путём обсуждения». Вяземский утверждает, что ограничительно-запретительной деятельности в области регулирования печатно-информационного пространства страны со стороны государства недостаточно в современных условиях — «цензура, которая препятствует злу, является лишь негативной, инертной силой: нужна сила активная, творческая сила, сила прессы, творящей благо».¹⁹ Резюмируя все вышесказанное, Вяземский пишет: «Правительство должно... внушать к себе уважение вовне... и с помощью общественного мнения; необходимо также, чтобы действия правительства были понятны внутри страны... Пресса есть, она ждет только сигнала».²⁰ Меморандум Вяземского — это, безусловно, не проект создания конкретного издания. Это — изложение новых принципов государственной информационной политики. О том, что общественная мысль двигалась в направлении признания необходимости проведения государством активной гласной информационной политики в печати свидетельствуют те многочисленные проекты организации политических изданий, которые поступали в правительство.

В качестве примера, можно привести анонимный проект, который М. Гиллельсон датирует 1833-м годом.²¹ Отмечая необходимость создания правительственного «политического, административного, литературного, образовательного»²² журнала, автор проекта подразумевал, что это издание будет публиковать информацию о планах и намерениях власти: «В сей журнал входили бы все виды правительства до облечения их в закон. Сей журнал был бы не только отголоском, но и указателем правительства».²³ То есть, он информировал бы о «видах правительства» не *post factum*, а до их облечения в ранг законов и постановлений, что подготавливало бы общественное мнение к их появлению. О судьбе проекта, так же как и о его авторе, на настоящий момент ничего не известно.

В другом проекте середины 1830-х гг., оригинал которого хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 109. Оп. 1. № 1926), автор так обозначал цель предполагаемой газеты: «... объяснять русским читателям желания правительства при том или другом постановлении и рассматривать текущие современные события Европы с точки зрения,

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Оригинал — ИРЛИ. Ф. 309. № 5017.

²² Незвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 128.

²³ Там же.

свойственной русскому».²⁴ Проект не был реализован и возможная причина этого — предполагавшийся стиль подачи политической информации. В записке широко представлена критика политического отдела «Северной Пчелы», которая «не может руководить мнением читателей, ибо сообщает только новые известия без всякого истолкования, а из читателей её 9/10 частей не в силах растолковать то, что прочтут в ней, и притом растолковать так, как следовало бы русскому подданному».²⁵ Однако, именно фактологический, без анализа и комментариев, стиль изложения политических новостей «Северной пчелой» приводился министром народного просвещения в качестве образца в его распоряжении от 3 ноября 1852 г.: «Сопровождать иногда эти известия [политические. — Д. С.] выражениями одобрения, сочувствия или негодования и насмешки; на подобие, как то делает иногда Пчела. Одно подобное слово дает сейчас особый смысл и значение передаваемому известию».²⁶ Кстати, такой же точки зрения придерживался и министр иностранных дел канцлер Нессельроде.

Оба этих анонимных проекта, как и предложение Вяземского, подразумевали пропаганду деятельности власти, подготовку общественного мнения к намеченным государственным мероприятиям. Однако в среде самой власти было свое видение этого вопроса. Оно отражается в одной из официальных бумаг канцелярии Министерства финансов, где говорится: «Защитение через газеты изданных высочайшей властью законов вовсе не было бы согласно с достоинством монархического правления».²⁷

Вышеперечисленные проекты касались создания периодических изданий, работающих с политической информацией. С.П. Шевырёв в своей «Записке о необходимости издания 2-х общественно-литературных журналов в Москве и Петербурге»,²⁸ написанной, очевидно, в первой половине 1830-х гг., предлагал работать с информацией другого уровня — той, которая предоставляется наукой и литературой. В ней он отмечает опасность замещения отечественных источников иностранными, когда «за неимением своих журналов, она [публика. — Д. С.] будет выписывать иностранные, которые духом своим никогда не могут совершенно согласовываться с нашими законами, нравами, обычаями». Основное отличие проекта Шевырёва от прочих заключается в том, что он собирался работать не с текущими политическими новостями, формирующими отношение аудитории к тем или иным современным событиям или явлениям, а с более серьёзной, фундаментальной информацией, предоставляемой

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ *Щебальский П.К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 75.

²⁷ Цензура в царствование Николая I // *Русская старина*. 1903. № 2. С. 306.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 12. Б.д.

наукой и литературой, которые закладывают, наравне с религией, основные мировоззренческие ориентиры. То есть, в своей основе, речь идёт опять же о формировании общественного мнения, на что и были ориентированы авторы остальных проектов. О том, что Шевырëв рассматривал своё предложение именно под таким углом зрения, свидетельствует его утверждение об опасности преобладания коммерческой инициативы над государственной в деле издания научных и литературных журналов, когда «все мнения читающей публики приходят в зависимость от личности журналистов так, что часто непризванный может давать своё направление отечественному просвещению».

Чрезвычайно важным представляется проект издания политической газеты, выдвинутый в 1851 г. главой Комитета М.А. Корфом. В своём письме к Министру народного просвещения от 20 апреля 1851 г. он пишет: «Следя в течении последних 3-х лет за ходом нашего книгопечатания, я не могу прежде всего не выразить моего убеждения в совершенной необходимости у нас такой газеты, которая имела бы главною целью распространять здравия и патриотические мысли о событиях внутренних и внешних и противуборствовать всяким вредным или ложным толкам».²⁹ Критически оценивая существующую практику подачи политических новостей как бессистемных и отрывочных сообщений, Корф полагал, что «газета, которая изображала и рассматривала бы текущие события с точки зрения, свойственной русскому человеку, и во всём... преследовала всегда одну цель — внушать и поддерживать благоговейную любовь к правящей России священной власти и к отечественным нашим установлениям, отвергая и отсекая лжеучения Запада, такая газета была бы положительно полезна и могла бы сделаться весьма важным косвенным органом для благих видов Правительства».³⁰ Помочь газете придерживаться правильного направления могло бы, по мысли Корфа, непосредственное участие высших государственных чиновников, «которым, по высшему служебному положению, ближе известны намерения и цели правительства, и которые, следственно, тем правильнее и вернее могут руководствовать общим мнением».³¹ В своём проекте Корф прямо говорит о периодическом издании как инструменте правительственной политики. Проект реализован не был.

Однако, несмотря на поток гражданских инициатив, призывавших к расширению коммуникационных каналов между властью и подданными, Николай I по-прежнему не был склонен рассматривать печать в качестве властного инструмента формирования общественного мнения в

²⁹ Частое письмо Статс Секретаря Барона Корфа к Министру Народного Просвещения 20 апреля 1851 года. ОР РНБ. Ф. 813. Ед. хр. 2.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

стране. Он более полагался на запретительные мероприятия цензурного ведомства, нежели на активное распространение необходимой информации посредством печати. Буквально накануне своей смерти, в январе 1855 г., на отчете Комитета 2 апреля за 1854 г. он написал — «желательно, чтоб продолжить столь же успешно».

Процесс обсуждения принципов информационной политики государства и характера взаимодействия власти и общества проходил на невыгодном для России информационном фоне в Европе. Причины такой ситуации выходят за рамки данной статьи, однако антироссийские настроения западной прессы, начиная с 1830-х гг., отмечали и современники и большинство историков.

Такой информационный фон ставил вопрос об отношении к нему русского правительства — либо его игнорирование, либо активные усилия по его изменению с использованием единственно возможных инструментов — периодической печати и литературы — в качестве инструментов.

Личная позиция Николая I в этом вопросе существенно не менялась вплоть до 1854 г. В целом, она характеризуется ответом императора весьма уважаемому им фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу, предложившему в 1842 г. основать в Европе периодическое издание для противодействия антироссийской риторике западноевропейских журналов и газет: «Мне уже часто предлагали отвечать на статьи и брошюры, издаваемые за границей с ругательствами против нас. Не соглашался я на это по той причине, что кроме того, что считаю сие ниже своего достоинства, но и пользы не предвижу; мы будем говорить одну истину, на нас же лгут заведомо, потому неравен бой... согласиться заводит полемику и теперь не могу; пусть лают на нас, им же хуже».³²

В 1843 г. появился шанс принципиального изменения внешней информационной политики России. Н.И. Греч, воспользовавшись выходом в свет книги маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», лично задевшей Николая I, предложил не только написать и издать в Европе её опровержение, но и организовать систематическую «литературную защиту» России за рубежом, намереваясь возглавить эту деятельность. Его переписка с Л.В. Дубельтом, через которого он общался с главой III Отделения А.Х. Бенкендорфом, свидетельствует о серьёзных амбициях Греча в этой области. 9 ноября 1843 г. Греч узнает, что Николай I прочитал как его письма, в которых продвигает идею о создании систематической «литературной защиты» России в Европе, так и его книгу и «всем был доволен».³³ Однако нескромность самого Греча разрушила все его планы — после того, как в немецких газетах стало известно о том, что он работает в контакте с правительством

³² Шевченко М.М. Конец одного величия. М., 2003. С. 115.

³³ Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 150.

России, Бенкендорф тут же приказал прекратить с ним всю переписку. Информация об участии русского правительства в опровержении каких-либо информационных материалов западной прессы была абсолютно недопустима, ведь ещё в 1841 г. на предложение кронпринца Вильгельма «завести орган, предназначенный для того, чтобы опровергать ту клевету, которая, несмотря на цензуру, постоянно поднимает голову», император отвечал так: «Я никогда в жизни не унижусь до того, что начну спорить с журналистами».³⁴

Следует отметить, что известные факты сотрудничества русского правительства с «Франкфуртским журналом» Дюрана, с издателем немецкого журнала «Друг солдат» Л. Шнейдером являются, скорее, исключением, чем правилом. Ведь из той же переписки Греча с Дубельтом следует, что Бенкендорф отказался финансировать издание уже одобренного императором критического разбора книги Кюстина, мотивируя отказ тем, что иностранные писатели, пишущие во благо родины, не требуют денег от своих правительств, и вообще платить издателям за размещение в них статей «не было бы согласно с... благородством нашего правительства».³⁵ На этом фоне нонсенсом выглядит утверждение газеты «Нью-Йорк Таймс» о том, что русским правительством «на поддержание... дирижеров продажной прессы в Европе тратится больше денег, чем на все внутренние усовершенствования».³⁶

Провал проекта Греча, очевидно, лишь укрепил императора в осознании правильности его политики игнорирования нападок западной прессы. И десять лет спустя его позиция осталась неизменной в этом вопросе: «Величественное молчание на общий лай приличнее сильной державе, чем журнальная перебранка»,³⁷ записал император на одном из писем М.П. Погодина в 1853 г. Такую же позицию после опыта работы с Гречем заняло и III Отделение, отметившее в своем «Нравственно-политическом отчёте» за 1845 г.: «Некоторые думают, что правительство наше должно бы иметь за границей на своей стороне нескольких писателей и журналов для опровержения вымыслов иностранцев... Несравненно лучше следовать принятому нами правилу — возражать молчанием и презрением».³⁸

Не будет преувеличением сказать, что 1854 год стал переломным для правительственной политики николаевской эпохи в сфере информационного обеспечения деятельности России за рубежом. В этом году, в условиях вступления в войну против России мощнейших мировых держав — Англии и Франции, император, наконец, одобрил создание

³⁴ Шевченко М.М. Указ. соч. С. 115.

³⁵ Лемке М. Указ. соч. С. 149.

³⁶ The New York Times. December 23, 1851.

³⁷ Зайончковский А.М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. Приложения. СПб., 1908. С. 151.

³⁸ Россия под надзором. Отчеты III Отделения 1827-1869. М., 2006. С. 365.

отстаивающего интересы России журнала в Европе — «Le Nord». Его первый номер вышел уже после смерти Николая I, в июле 1855 г. О том, что его создание обсуждалось еще в 1854 г. существуют лишь косвенные свидетельства. В частности, это письмо русского посланника в Берлине А.Ф. Блумберга к предполагаемому редактору издания.³⁹ Автору данной статьи удалось ознакомиться в Государственном архиве Российской Федерации с делом «О предположении гр. Виельгорского⁴⁰ издавать за границей журнал с целью направления общественного мнения и опровержения лживых понятий о нашем обществе» от 25 ноября 1854 г.

Предложение Виельгорского само по себе интересно тем, что вовлечённые в его обсуждение III Отделение в лице А.Ф. Орлова и МИД в лице товарища министра Сенявина согласились с целесообразностью создания за границей журнала с заявленными целями при выполнении одного неперемennого условия — издания его абсолютно частным образом. Также, этот документ — важное свидетельство настроений в русском обществе, когда уже частные лица выражали готовность финансировать создание за границей пророссийского издания.

В контексте создания журнала «Le Nord» важна приложенная Сенявиным к своему ответу анонимная записка, которая 30 октября 1854 г. была представлена императору канцлером Нессельроде. Вполне вероятно, что это и есть первый представленный императору проект издания журнала «Le Nord». В частности, в ней говорится, что для «...восстановления умов к оценению России и её политики... было бы желательно основание в Берлине французского политического журнала. Журнал будет направляться рукою нашего посольства, которое уже извещено о таковом предприятии и оно уже приискало себе сотрудника... весьма достойного уважения французского писателя г. Кретъена Жоли... С.-Петербург. 30 октября 1854 г.».⁴¹ Записка эта не подписана — вероятно, подпись была удалена в МИДе.

А вот что летом 1855 г. записал сенатор К.Н. Лебедев в своём дневнике: «... ещё в 1854 году предполагали основать ежедневный журнал в видах русских, чтобы ознакомить Европу с видами нашего правительства открыто, умно и достоверно. С начала думали издавать журнал в Берлине; но, для избежания подозрений по отношению к Пруссии, решились учредить редакцию в Брюсселе. Журнал называется: «Le Nord»... 1 Июля он вышел. Программа его проста и откровенна. Программа во многом

³⁹ Шевченко М.М. Указ. соч. С. 117.

⁴⁰ Очевидно, это граф Михаил Юрьевич Виельгорский (1788–1856). В 1854 г. он служил в Министерстве внутренних дел, умер в Москве.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. 1854. Д. 355.

обличающая влияние Русского редактора...».⁴² При этом журнал «Le Nord» открыто заявил о своей пророссийской позиции уже в первом номере (16 июля 1855 г.), не пытаясь маскироваться под некое независимое частное издание: «Запад всегда относился к России враждебно. Это особенно верно сейчас, во время войны... Но эта враждебность, на наш взгляд, чаще всего вызвана недоразумением. Ведь Европа знает о России преимущественно по запискам путешественников в Россию, не знающих ни её языка, ни её культуры».⁴³

Этот же журнал упоминается ещё в одном интереснейшем документе, который без преувеличения можно назвать манифестом новой информационной государственной политики. Это рескрипт сына Николая I великого князя Константина Николаевича от 18 апреля 1857 г. Обращаясь к министру народного просвещения с просьбой организовать предоставление в журнал *Le Nord* тех сведений, «которые было бы полезно распространять за границей», он пишет: «...Во время нынешнего заграничного путешествия Моего Я ещё более убедился в том, какое важное значение приобрели в последнее время на дела Государственные журналы и газеты, распространяя верные или ложные сведения и тем самым имея большое влияние на общественное мнение. Ныне невозможно пренебрегать этим мнением, а напротив того следует пользоваться теми орудиями, которые могут дать ему то или иное направление... Я нахожу, что нам необходимо не упускать ни одного случая знакомить Европу с тем, что у нас есть действительно хорошего в науке, администрации и народной жизни».⁴⁴

Далее в рескрипте появляется вышеупомянутый журнал: «Одним из средств к распространению за границей подобных сведений представляется прекрасный журнал *Le Nord*... К сожалению... журнал этот сообщает весьма мало статей из России и об России». Именно поэтому, великий князь и просит Министра народного просвещения «поручить Г.г. Попечителям учебных округов пригласить известных им учёных, также просить Академию сообщать в *le Nord* через Посольство в Брюсселе те сведения, которые было бы полезно распространять за границей».⁴⁵

Итак, создание в Европе первого периодического издания, призванного активно распространять пророссийскую информацию, было одобрено Николаем I в 1854 г. В России частные периодические изда-

⁴² *Лебедев К.Н.* Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. Кн. 3. 1888. С. 460.

⁴³ *Мондей К.Л.В.* Тенгоборгский — польский пропагандист российской государственности // Клио. № 2 (11).

⁴⁴ Рескрипт Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича 18 / 30 апреля 1857 г. // ОР РНБ. Ф. 831. Ед. хр. 2.

⁴⁵ Там же.

ния, имеющие право информировать о политических событиях и комментировать их, ставящие себе целью пропаганду патриотизма в условиях длящейся войны появились уже после смерти Николая I. Следование устаревшим принципам информационного обеспечения деятельности государственной власти особо дорого обошлось России именно в годы Крымской войны (1853–1856), когда степень русофобских настроений во Франции и популярность войны с Россией удивляли даже самих французов, а в России распространялось равнодушное отношение к войне с сильнейшими на тот момент мировыми державами, ведущими боевые действия на территории самой империи.